СТАРЦЫ

Брянской Бѣлобережской пустыни по запискамъ строителя Одрина монастыря іеромонаха Израиля*).

Не безприличнo здѣсь воспомянуть блаженнаго старца схимонаха Ѳеодора, о его житіи и терпѣніи, еже онъ со спостники своими благочестія ради претерпѣ. Сіи старцы великіи и честнѣйшіи во отцѣхъ, іеросхимонахъ Клеопа и схимонахъ Ѳеодоръ—ученики великаго старца схіархимандрита Паисія Молдовлахійскаго нямецкаго монастыря.

Іеросхимонахъ Клеопа изъ малороссіянъ и схимонахъ Ѳеодоръ изъ гражданъ города Карачева, поживши много лѣтъ въ обители старца Паисія и принявши отъ него постриженіе въ монашескій образъ, были имъ основательно наставлены и утверждены въ духовной жизни. По смерти же блаженной памяти схіархимандрита старца Паисія вышли въ Россію въ 1801 году и пришли въ Орловскую епархію, въ сію Бѣлобережскую пустынь, и схимонахъ Ѳеодоръ принесъ въ сію обитель чинъ и порядокъ Молдовлахійскаго

*) Печатается по рукописи Бѣлобережской пустыни съ незначительными исправленіями въ потребныхъ мѣстахъ, но съ сохраненіемъ также ц.-славянскаго правописанія.

нямецкаго монастыря и пѣніе частію Кіевопечерскія лавры и болгарскаго напѣва, принесенное имъ изъ обители Молдовлахійскаго нямецкаго монастыря, и устроилъ въ сей обители чинъ весьма благочинный и порядокъ очень прекрасный, и былъ тогда въ сей обители чинъ и порядокъ и прочимъ многимъ обителямъ на подражаніе, яже и желаху насадити сей чинъ и порядокъ въ своихъ обителяхъ.

Сей же блаженный старецъ схимонахъ Ѳеодоръ, содержа въ сей обители мѣсто уставщика, отправляше богослуженіе весьма продолжительное: бдѣніе во дни праздничныя дванадесятыя часовъ около девяти, воскресныя—шесть часовъ, и самъ бѣ великій добродѣтели подвижникъ, постникъ и воздержникъ. И на сего старца, схимонаха Ѳеодора, восташа нѣціи изъ братіи за отправляемыя имъ въ церкви продолжительныя богослуженія, и начаша за сіе на него скорбѣти; онъ же, не хотя премѣнити своего правила и обычая, ему же есть научился въ Молдовлахійскомъ нямецкомъ монастырѣ, живши при великомъ старцѣ Паисіи, и уступая мѣсто гнѣву и дая братіи покой, оставя должность уставщика и клиросъ, отъиде близъ монастыря въ уединенную безмолвную пустынную келлію и, внимая себѣ, провождалъ по Бозѣ жизнь свою; бѣ же съ нимъ въ пустынной келліи и преждепомянутый іеросхимонахъ Клеопа. Къ нимъ присоединился и іеросхимонахъ Левъ (Леонидъ). Сей родомъ былъ изъ гражданъ города Карачева, по фамиліи Наголкинъ, первоначально поступилъ въ Калужской епархіи Козельскую Введенскую Оптину пустынь, въ 1797 году; проживъ два года, перешелъ въ сію Бѣлобережскую пустынь, въ сей и постриженъ въ монашество въ 1801 году строителемъ іеромонахомъ Василіемъ, старцемъ духовной жизни, подвизавшимся не малое время на Аѳонской горѣ, и по произведеніи по степенемъ во іеромонаха, въ 1804 году, по волѣ Преосвященнаго Досифея, Епископа Орловскаго и Сѣвскаго, опредѣленъ къ сей пустыни строителемъ. Какъ прежде строительства, временно живши въ Чолнскомъ монастырѣ, такъ и бывши строителемъ, имѣлъ купножитіе и духовную о Господѣ любовь и собесѣдованіе съ вышедшимъ изъ Молдавіи ученикомъ старца Паисія, съ симъ схимонахомъ Ѳеодоромъ, отъ котораго наставленъ

былъ противоборству страстямъ и получилъ просвѣщеніе духовнаго разума. По увольненіи отъ строительской должности по усиленному его прошенію въ 1808 году, жилъ онъ съ отцемъ Ѳеодоромъ и іеросхимонахомъ Клеопою въ сей же обители въ пустынной келліи, совокупно занимаясь умнымъ дѣланіемъ и принося пользу ближнимъ, притекавшимъ къ дверямъ ихъ келліи, духовными совѣтами и наставленіями.

Схимонахъ Ѳеодоръ, одаренный духовнымъ разсужденіемъ, имѣлъ острую память и даръ слова, всякому дѣлалъ приличныя наставленія отъ святаго писанія и отеческихъ ученій, глубоко вкоренившихся въ чистотѣ его ума и памяти. Но зависть и тутъ не даетъ ему покоя: ибо и паки восташа на него нѣціи изъ братіи, ропщуще и смущающе въ обители, почто къ нему ходятъ братія для вопрошенія, и симъ не малое творитъ возмущеніе въ братіи, и отъ сего не только братія, но и ученики его, живущіи здѣ во обители, которые ему преданы для наставленія ихъ къ душевной пользѣ и которымъ по закону должно бѣ во всякое время приходити къ нему, рано или поздно, или не въ законенныя часы, и тіи страха ради отъ бывшаго тогда въ обители смущенія, да не постраждутъ нѣчто сопротивное отъ своихъ ненавистниковъ, бояхуся приходить къ нему днемъ въ нуждахъ ихъ для откровенія ему совѣсти своей, какъ старцу своему, отцу и наставнику, и для полученія себѣ облегченія въ ихъ душевной скорби, но прихождаху къ нему нощію отай, украдучи прелазя чрезъ ограду, яже бѣ тогда деревянная, и такъ отъ страха съ нуждою имѣяху съ нимъ духовныя бесѣды, и тако проходили по Божѣ тѣсный и прискорбный путь, ведущій къ царству небесному, и паки возвращахуся въ свою келлію, никому же о семъ вѣдущу. И вопросилъ бы я кто: чесо ради тако творяху, нощію крадущеся отай, яко разбойницы и иніи зла дѣлателіе? Украсти или иное богопротивное кое дѣло хотяху творити? Ни; но души ради своея, хотяще пользу сотворити, тако творяху; ибо зависть и благочестіе яко нечестіе творитъ и доброе злымъ, и злое добрымъ. Аще и настоятели тогда бяху благочестивіи, обаче по зависти, аще и благочестивому будутъ много говорить, то и благочестиваго совратятъ, и добрый будетъ не доб-

рымъ. И отецъ Ѳеодоръ, видѣвши въ обители таковое смущеніе и нестроеніе и разныя непріятныя о себѣ разглагольствія, не восхотѣ болѣе онаго слышати, яже бѣ души его на смущеніе и на разореніе, а не на созиданіе, и, оставя сію обитель, пойде въ пустынь Палеостровскую, таже въ скитъ Валаамскаго монастыря.

Каково же бѣ житіе схимонаха отца Ѳеодора въ сей обители, въ уединенной пустынной безмолвной келліи? Пріимаше онъ приходящихъ къ нему для вопрошенія душевной ихъ пользы, но только, аще кто прихождаше съ благословеніемъ настоятеля, съ тѣмъ и бесѣдоваше, о чемъ бяше нуждно, аще же кто не вземъ у настоятеля благословеніе прихождаше къ нему, съ тѣмъ ничего не бесѣдоваше, да и въ келлію свою того не впускаше; такожде аще кто что-либо съ собою къ нему приношаше, то и того къ себѣ не пріимаше, хотя бы и съ благословеніемъ настоятеля прихождаше, глаголя сіе не Бога ради тако быти, отъ человѣкъ что либо взятки брать, но что бы всякій приходилъ Бога ради, съ тѣмъ и бесѣда будетъ по Бозѣ, и тако онъ жизнь свою провождаше по Бозѣ, ни отъ кого же что пріимаше, живя въ совершенномъ нестяжаніи. Одежда его бѣ самая препростѣйшая и презрѣнная, подобная древнимъ святымъ отцамъ, яже въ нынѣшняя времена, едва ли гдѣ обрѣтается, яко видящимъ его и не знавши его, не можно и подумать, что это самый отецъ Ѳеодоръ, но всякій видѣвши его въ таковомъ нищетномъ и презрѣнномъ образѣ, могъ бы помыслить о немъ и рещи, что сей презрѣнный какой нибудь прошакъ и ничтожнаго житія старецъ: иже бяше всѣмъ на пользу образомъ и примѣромъ добродѣтельнаго своего житія. Какову же онъ имѣ себѣ пищу въ пустынной своей келліи съ живущими съ нимъ честными старцами іеросхимонахами Клеопою, Аѳанасіемъ и Леонидомъ, бывшимъ прежде настоятелемъ сея обители—бяху бо ихъ четыре вкупѣ живуще?—Ядяху мѣрою пріобщающеся всѣхъ на трапезѣ представленныхъ брашенъ, прихождаху бо въ поварню за пищею себѣ по очереди съ одною посудиною, и кая, прилучашеся на трапезѣ пища, отъ всего пріимаху. Съ каковымъ же оную вкусомъ употребляху,—все что бяше аще холодное, аще горячее, пѣсное, или кислое,

все оное въ одинъ сосудъ вливаху и все оное смѣшиваху и тако они пищу себѣ употребляху, всякое сладострастіе отъ себѣ отвергающе и всякій сладкій вкусъ отрѣвавая: таковы бяху тѣла своего презиратели и всякихъ сладостей искоренители и тако они по Бозѣ жизнь свою провождаху и всякую нужду сладцѣ Бога ради терпяху.

Сія же вся творимая ими слышахъ отъ преподобныхъ устъ старца отца архимандрита Моисея, иже тогда бяше въ поварнѣ поваромъ и видяше, яже они творяху. И нѣкогда вопросилъ онъ о семъ отца Ѳеодора: „почто, батюшка, тако твориши“? Отвѣща же онъ: „все сіе въ одномъ чревѣ будетъ, брате; я и сего не достоинъ пріимати, ибо и сіе не было бы души моей на осужденіе“.

Каково же бѣ его изъ сея обители исхожденіе и каково его бѣ напутствованіе? Егда бо уготовася въ путь, взя съ собою все свое имущество. Что же бѣ и что взя? Одѣяся во одежду и въ рясу, камилавку съ клобукомъ возложи себѣ на главу и взя подъ мышцу книгу святаго преподобнаго Исаака Сирина,—вотъ въ чемъ состояло все его имущество, ибо и книгъ болѣе не имѣлъ: по одной живяше; тако бо наставися отъ отецъ своихъ, таковаго бѣ нестяжанія. Даяше ему настоятель и денегъ на путь, но онъ ничто же взя, аще и принуждаемъ бяше, и никакъ на оное не согласися. Егда же видѣ іеросхимонахъ Аѳанасій, съ нимъ вкупѣ въ пустыни живущій, что отецъ Ѳеодоръ ни чесоже вая себѣ на путь, и зная, что у него и нѣтъ ничего, тогда сожалѣ о семъ, взя полтину денегъ и заткну ему отай въ клобукъ. Егда же пріиде отецъ Ѳеодоръ на первую пути своего станцію и найде оныя деньги у себе въ клобукѣ, тогда зѣло оскорбися о семъ, что имѣетъ у себе деньги, и положи себѣ на умѣ: аще кто первый встрѣтится ему въ пути, то оныя тому и отдать. И егда вышедшему ему на путь, встрѣтися бѣдная женщина вдова, той тогда женщинѣ отдаде оныя деньги, и тако пойде въ путь свой, и бѣ житіе его подобно птицѣ, ни о чесомже земныхъ печашеся, да не лишится будущихъ небесныхъ.

Подобаетъ же мало нѣчто рещи о томъ, при которомъ настоятелѣ сей Бѣлобережской обители устроился чинъ и порядокъ, принесенный старцемъ схимонахомъ Ѳеодоромъ изъ Молдовлахійскаго пямецкаго монастыря.

До занятія должности настоятеля отецъ Леонидъ жилъ временно въ Чолнскомъ монастырѣ, гдѣ въ то время поселился только что прибывшій изъ Молдавіи схимонахъ Ѳеодоръ, ученикъ великаго старца Паисія, архимандрита Молдовлахійскихъ монастырей. Укрѣпленный благодатію Святаго Духа и опытный въ подвижнической жизни, отецъ Ѳеодоръ преподавалъ братіи Чолнской обители сокровища духовныхъ совѣтовъ и утѣшеній, собранныя имъ въ Молдавіи. Подъ руководствомъ сего-то наставника въ полной мѣрѣ возрасла и процвѣла вѣрою и благочестіемъ душа Леонида, яко древо насажденное при исходищихъ водъ, еже плодъ свой дастъ во время свое (псал. 1-й). Чистѣйшая любовь соединила наставника и ученика неразрывными узами другъ съ другомъ. Послѣ сего понятно, какъ трудно было отцу Леониду разлучиться со старцемъ, когда воля Архипастыря вызвала его на степень настоятельства. Но Провидѣніе разлучило сподвижниковъ не на долго: посѣщенія и безпокойства ближнихъ, нарушающія безмолвіе пустынной жизни, особенно молва о добродѣтели и подвигахъ, отъ которой всегда по смиренномудрію бѣгалъ о. Ѳеодоръ, понудили его, для ненарушимаго молитвеннаго служенія Господу, переселиться въ пустынную Бѣлобережскую обитель. Честно былъ принятъ смиренный старецъ своимъ ученикомъ, настоятелемъ сей пустыни: отецъ Леонидъ обрадовался приходу мудраго наставника, какъ обрѣтенію погибшаго для него высокой цѣны сокровища. Тутъ отецъ Ѳеодоръ и принесъ съ собою въ сію обитель чинъ и порядокъ изъ Молдовлахійскаго нямецкаго монастыря, и при семъ настоятелѣ отцѣ Леонидѣ уставленъ той чинъ, весьма благочинный, уставъ и порядокъ обряда очень прекрасный въ сей обители. Воистину неоцѣненной цѣны сокровище—устроенный во обители чинъ той и многодражайшихъ сокровищъ земныхъ дражае, и по истинѣ оставиша по себѣ память вѣчнаго своего наслѣдія, яже по ихъ въ роды оста во обители сей, честнѣйшій въ подвизѣхъ добродѣтельнаго житія старецъ отецъ Ѳеодоръ—трудолюбіемъ своимъ во славу Божію и желаніемъ всѣмъ душевной пользы къ будущему вѣчному блаженному наслѣдію, ревностный и неутомимый во всякое дѣло благое, а отецъ Леонидъ—же-

ланіемъ украсить сію обитель неоцѣненнаго духовнаго сокровища богатствомъ, чиноположеніемъ церковнаго устава и порядкомъ монастырскаго обряда! Обитель же въ то время и потомъ многими лѣты по кончинѣ ихъ превосхождаше многія знаменитыя обители чиннымъ положеніемъ церковнымъ и обрядомъ монастырскимъ, и обношашеся сіе въ народѣ въ память сихъ благочестивыхъ и добродѣтельныхъ старцевъ, ихъ подвига и трудовъ, въ пользу обители ими сотворенныхъ. Отецъ Леонидъ зналъ цѣнность добродѣтельныхъ людей, да и самъ тщася подражати оныхъ житію, и при немъ обитель процвѣтала честными и добродѣтельными старцами, яже и послѣ его долгое время пребываетъ зеленѣющею, иже отъ корне сихъ отрасли испускающею и плоды добродѣтелей приносящею, иже и во многія монастыри насадишася, и плоды добродѣтельнаго житія принесоша въ память сихъ честныхъ добродѣтельныхъ старцевъ Ѳеодора и Клеопы съ Леонидомъ, яже вездѣ пришествіемъ своимъ и пребываніемъ не малую пользу творяху въ братіи и во всякомъ званіи народа отъ добродѣтельнаго своего и по Бозѣ житія, и дай Богъ, чтобы въ обители сей не угасали сихъ честныхъ старцевъ богоугодные труды, подъятыя во славу Божію и въ общую всего народа пользу къ прославленію имени Божія и въ вѣчную память сихъ блаженныхъ старцевъ по Бозѣ житія.

Въ сей Бѣлобережской обители, попущеніемъ Божіимъ, отца Ѳеодора постигла сильная и продолжительная болѣзнь: девять дней не принималъ онъ никакой пищи и трое сутокъ пробылъ въ летаргическомъ снѣ. Испытавъ въ сей болѣзни, говоритъ описатель жизни и подвиговъ отца Ѳеодора, сладостныя ощущенія благодатныхъ даровъ Духа Божія, старецъ возжадалъ еще болѣе уединенной и безмолвной жизни и объявилъ о семъ желаніи настоятелю и братіи. По любви и уваженію къ нему немедленно устроили для него уединенную келлію въ глуши лѣса, въ двухъ верстахъ отъ обители. Тамъ, въ пустынномъ безмолвіи, поселился онъ вмѣстѣ съ добродѣтельнѣйшимъ іеросхимонахомъ Клеопою. Къ нимъ въ скоромъ времени присоединился и смиренный Леонидъ, добровольно сложившій съ себя достоинство стро-

ителя въ 1808 году. Но никто же вжегъ свѣтильника поставляетъ его подъ спудомъ, но на свѣщницѣ, да свѣтитъ всѣмъ иже въ храминѣ суть (Матѳ. 5, 15). Скоро Провидѣніе открыло людямъ великіе подвиги пустыннолюбиваго Ѳеодора. Слава о добротѣ, мудрости и непорочной жизни его пронеслась повсюду, и къ дверямъ келліи его стали стекаться тысячи посѣтителей. Отъ сего и болѣе въ сей обители стала возрастать въ братіи зависть съ ненавистію противъ сего незлобиваго и смиреннаго сердцемъ и многострадальнаго блаженнаго старца схимонаха Ѳеодора и на желающихъ пользоваться его душеполезнымъ наставленіемъ. Безмолвные пустынники, утомленные молвою, столько пріятною для самолюбія и столько тягостною для смиренномудрія, открываютъ предъ Господомъ печаль сердца своего, какъ въ такихъ обстоятельствахъ провождать дни своя, и какъ соблюсти душевное свое спасеніе, а гдѣ нѣтъ мира и согласія, тамъ и не безъ труда оное сохранити, и повергаютъ волю свою во святую волю Божію, какъ Господь Богъ устроитъ о нихъ, и всегда они возлагались на волю Божію во всякомъ дѣлѣ, въ благополучіи и въ несчастіи, всегда оныя говаривали о себѣ слова: на то воля Божія будетъ, и воля Божія, благая и премудрая, въ скоромъ времени возбудила въ сердцѣ ихъ пламенное желаніе пересилиться въ отдаленные предѣлы сѣверные царства Россійскаго. Три года продолжалось и возрастало въ нихъ сіе влеченіе; наконецъ, смиренному и многотерпѣливому страдальцу Ѳеодору опредѣлено было прежде своихъ сподвижниковъ оставить сію обитель Бѣлые берега. Предавшись волѣ Всемогущаго, носящаго всяческая глаголомъ силы своея, онъ направилъ путь свой въ Новоезерскій монастырь, лежащій на восточной сторонѣ Новгородской губерніи, и пріиде въ Палеостровскую пустынь, таже въ скитъ Валаамскаго монастыря.

Отецъ же Леонидъ весьма дорожилъ оными честными старцами и, какъ желательны они были ему, сіе показалъ не на словахъ, но на самомъ дѣлѣ, ибо и въ сей обители, желая болѣе наслаждатися ихъ духовными бесѣдами въ общую свою и другимъ, впослѣдствіи времени хотящимъ душевную пользу, по оставленіи должности настоятеля, присоединился къ нимъ во единожитіе въ пустынное уеди-

неніе. И по изшествіи сего старца Ѳеодора изъ обители, и отецъ Леонидъ, не терпя болѣе разлучатися отъ отца Ѳеодора, любимаго себѣ отца и наставника, пойде въ слѣдъ за нимъ съ Клеопою, желая болѣе терпѣть разныя напасти и озлобленія и вся скорбная случающаяся, нежели быти во ослабѣ безъ любимаго себѣ отца и лишенія сладкихъ его и душеполезныхъ бесѣдъ. Тако сіи великіи старцы добрымъ и въ разумѣ добродѣтели проходящимъ весьма бяху желательны, несмысленными же и въ своемъ неразуміи загрубѣвшими сице бяху ненавидимы и нелюбимы, яко и многая озлобленія и напасти чрезъ оныхъ несмысленныхъ претерпѣша.

И отецъ Леонидъ за устроеніе во обители чина церковнаго и обряда монастырскаго многая отъ неразумныхъ въ братіи претерпѣ озлобленія, скорби и печали отъ несмысленныхъ своея воли желателей. Ибо, егда въ началѣ поступленія своего въ настоятельскую должность около шести недѣль самъ отправлялъ въ церкви церковное священнослуженіе, то несмысленные въ братіи и огрубѣвшіе въ своемъ разумѣ не хотѣли въ своемъ неразуміи допустить въ обители сего прекраснаго церковнаго чиноположенія и обряда монастырскаго, но желаху ити своимъ своевольнымъ путемъ погибели. Но Богъ разрушилъ ихъ упорство, и устроися во обители прекрасный чинъ церковный и порядокъ обряда устава монастырскаго, святыми отцами изложеннаго и установленнаго, и скорѣе сихъ несмысленныхъ память въ забвеніе пріиде, неже церковное и монастырское чиноположеніе: ибо Божіею помощію уставленное церковное и монастырское прекрасное чиноположеніе отцемъ Ѳеодоромъ и Леонидомъ все еще пребываетъ въ весьма прекрасномъ и хорошемъ положеніи и преимущество имѣетъ предъ прочими честными обителями.

Сіе же повѣствованіе о сихъ честныхъ старецъ житіи слышахъ отъ старца отца архимандрита Моисея, ибо онъ въ то время бяше во обители и все въ то время происходившее видѣлъ и слышалъ и въ пользу душевную мнѣ оное сказоваше къ подражанію ихъ житія въ терпѣніи, чтобы и я себѣ пріобучалъ къ таковому же терпѣнію, ибо безъ терпѣнія никое же доброе дѣло бываетъ. А яже о чиноположеніи, сія азъ своими очима видѣхъ, ибо прожихъ во оби-

тели той не малое время. Ибо егда вспомню во обители той чинъ церковный и обрядъ порядка общественнаго братства, и абіе слезами обливаюся, ибо все мнѣ не мило бяше изшедшему изъ тоя обители: не волею бо разлучихся отъ нея: ибо Богъ, ими же вѣсть судьбами, волею Архипастыря Смарагда Архіепископа, опредѣлилъ мнѣ быти строителемъ въ Карачевскомъ Николаевскомъ Одринѣ монастырѣ. Съ великою бо скорбію разлучахся отъ сея обители, не желалъ бы я ни какой власти и преимущества себѣ, но желаніе мое скончати животъ свой во обители той пустыни.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СТАРЦЫ

Брянской Бѣлобережской пустыни по запискамъ строителя Одрина монастыря іеромонаха Израиля.

(Окончаніе. См. № 44).

Не подобаетъ же умолчати о житіи честнаго старца іеросхимонаха отца Клеопы, но вкратцѣ нѣчто рещи о немъ, и сіе будетъ не безъ пользы слышащимъ. Сей бо честный старецъ отецъ Клеопа мало кому извѣстенъ по своей безмолвной и уединенной жизни, обаче во своей духовной жизни и умномъ дѣланіи ни въ чемъ не уступаше о. Ѳеодору, но во всемъ равенъ бяше съ нимъ. И бѣ онъ во благочестіи своемъ и великаго трезвѣнія и совершеннаго нестяжанія; ибо

егда предлежаше ему нужда изъ цустынной своей келліи ити во обитель, для отправленія священнослуженія божественной литургіи, тогда врагъ добра діаволъ, ненавистникъ рода человѣческаго, не терпя зрѣти сего старца въ добродѣтеляхъ и въ совершенномъ нестяжаніи пребывающа, многажды покушашеся кознми своими препяти ему путь добродѣтели нестяжанія сребролюбіемъ и пометаше ему на пути златицы, дабы сей благочестивый старецъ возмогъ прельститися сребролюбіемъ, и чтобы погубити ему свою въ себѣ добродѣтель нестяжанія: вѣдяше бо врагъ лукавый, яко егда сей старецъ испалъ бы отъ добродѣтели нестяжанія, тогда и отъ прочихъ добродѣтелей можаше удобно отвести его. Но сей отецъ Клеопа, страха Божія исполненный и умъ свой всегда имущій въ Бозѣ, никако же восхотѣ симъ прелестнымъ златицамъ отъ врага діавола на прелщеніе ему вверженнымъ не точію прикоснутися, но ниже хотяше и воззрѣти на ихъ: отвращаше бо лице свое отъ ихъ, аще и многажды врагъ діаволъ пометаше ему оныя на пути, но никогда же восхотѣ и помыслити о ихъ: толь бѣ великаго трезвенія сей благочестивой жизни и страха Божія исполненный честный старецъ, іеросхимонахъ отецъ Клеопа. Изъ сего мощно уразумѣти, каково его бѣ по Бозѣ житіе: можаше бо своимъ добродѣтельнымъ житіемъ многимъ быти на пользу, и счастлива бяше сія Бѣлобережская обитель, яже въ то время ограждена бывши оплотомъ духовнымъ, яко крѣпкими столпами, сими благочестивыми старцами, ихже—и паки оное прежнее слово возглаголю—азъ симъ видѣхъ во обители сей: пребыхъ бо въ ней тридесять лѣтъ; и уже по кончинѣ ихъ многая лѣта преидоша, и обрѣтахъ ю сими плодами зеленѣющею: толь бѣ крѣпко благочестіемъ ихъ насаждена и добродѣтельнымъ по Бозѣ житіемъ напоена! И дай Богъ, что бы не усыхала сихъ честными отрасльми никогдаже, но болѣе бы процвѣтала во славу Божію и въ общую всего народа пользу.

По выходѣ изъ сея Бѣлобережской пустыни отца Ѳеодора, и отецъ Клеопа съ Леонидомъ въ 1811 году переселились въ Валаамскій монастырь, вкупѣ съ отцемъ Ѳеодоромъ; изыдоша же и ученицы отца Ѳеодора и въ слѣдъ за нимъ поидоша, яже и не отхождаху отъ него никаможе

до самой кончины его, но вкупѣ пребываху съ отцемъ и наставникомъ своимъ, и вся случающаяся, скорби и озлобленія и напасти, съ нимъ вкупѣ Бога ради терпяху и надеждою будущихъ благъ себе утѣшаху. Отецъ Ѳеодоръ, по выходѣ изъ сея Бѣлобережскія пустыни, провелъ два скорбныхъ для него года въ Палеостровской пустынѣ (на островѣ Онежскаго озера). Въ Валаамскомъ же монастырѣ живучи, они проходили подвижническое внимательное жительство въ находящемся тамъ скитѣ, какъ въ надежномъ пристанищѣ спасенія. Около шести лѣтъ тамъ пребывали три доблестные сподвижника, и здѣсь отецъ Ѳеодоръ своею духовною мудростію и смиреніемъ привлекъ къ себѣ почти всю братію. Но та же мудрость, почтеніе и слава снова возбудили противъ него зависть, яко же и въ Бѣлобережской обители: зависть бо не вѣсть предпочитати полезнаго: вмѣсто еже бы имъ пользоватися онымъ добродѣтельнымъ житіемъ и подражати сему въ душевное свое спасеніе, тіи же вмѣсто пользы завистію своею обратиша оное во вредъ себѣ,—и не дивно сему быти, ибо и не въ нынѣшнія времена тако бываше. Пишется въ житіи преподобнаго Макарія Александрійскаго (Патерикъ скитскій): Слышавъ Авва Макарій, яко веліе житіе имутъ тавеннсіоти, премѣни ризы своя иноческія и, вземъ образъ мірскій и 15 дней по пустыни шествовавъ, пріиде въ Ѳиваиду и, пришедъ въ монастырь Тавенисіотскій,—взыска игумена видѣти; бѣ же авва Пахомій игуменъ, и мужъ искусенъ и даръ пророчества имѣя. Утаи же отъ него Богъ яже о святѣмъ Макаріи, и видѣвъ его глагола ему Макарій: молюся ти: пріими мя въ монастырь, да сотворюся инокъ: онъ же рече ему: „прочее убо въ старость постиглъ еси: поститися не можеши, братія же подвижницы суть, и не можеши подъяти труды ихъ, и изыти имаши злословя ихъ“. И не пріятъ его до седми дній. Якоже сѣдя гладенъ седмь дній, и глагола игумену: „пріими мя, отче; аще не возмогу поститися, яко же и братія, повели изврещи мя вонъ. Рече же святый Пахомій братіи, и пріяша его. Бѣ же составленіе киновіи тысяща и четыреста мужей. Мимошедшу же малу времени, наста четвородесятый постъ, и видѣ Макарій когождо ихъ различно житіе творяща: оваго въ вечеръ ядуща, другаго

же во вторый день, инѣхъ въ четвертый и въ пятый день, иного же стояща всю нощь во дни же сѣдяща; самъ же онъ, намочивъ прутія много и ставъ во единомъ углѣ, дондеже скончашася четыредесять дней и пасха пріиде, хлѣбу ни причастися, ни водѣ, ни колѣна преклони, ни отверзе уста своя, ни глагола что поя, но моляся въ себѣ пленицу плете. Видѣвше его вси постницы, восташа на игумена глаголюще: „откуда приведе безплотнаго сего на осужденіе намъ? или иждени его, или вси отходимъ отъ здѣ“. Слышавъ же о житіи его святый Пахомій, помолися Богу открыти ему, кто есть, и увидѣвъ, яко святый Макарій есть, емъ его за руку, вниде съ нимъ въ церковь и глагола ему: „почто утаи ми пришествіе свое? Богъ же яви ми имя твое; отъ многаго бо времени желахъ видѣти тя, слыша яже о тебѣ; обаче добрѣ сотвори, яко смири чада моя, да не велемудрствуютъ; нынѣ же иди въ мѣсто свое и о насъ молися“. До здѣ Патерикъ скитскій.—Вотъ и на сего преподобнаго Макарія восташа братія ко игумену глаголюще: иждени его вонъ изъ обители; аще же не такъ, то мы всѣ вонъ идемъ. А за что? За то, что добродѣтельми превышаетъ насъ. Аще игуменъ и святъ былъ житіемъ, обаче, видя оныхъ ропщущихъ и смущающихся, сотвори по волѣ братіи,—видитъ, что нечего сдѣлать, повелѣ преподобному Макарію вонъ изыти, дабы престали братія отъ роптанія и несогласія.

Но и паки обратимся къ сказанію исторіи блаженнаго старца схимонаха Ѳеодора. По кончинѣ одного изъ членовъ этого святаго братства, іеросхимонаха Клеопы, въ 1814 году, гонимый старецъ, въ болѣзни тѣла и въ прискорбіи духа, принужденъ былъ искать убѣжища въ Александро-„свирскомъ монастырѣ.

Почитая себя отребіемъ міра, не достойнымъ мирнаго жилища на землѣ, онъ перешелъ въ обитель ту съ прежними сотрудниками своими, и въ оной скоро окончилъ многотрудное поприще земной жизни своей, испустивъ духъ на рукахъ отца Леонида, своего любимаго ученика и вмѣстѣ духовнаго отца, 1822 года, въ вечеръ свѣтлаго Пятка. Вотъ въ какихъ умилительныхъ подробностяхъ описываетъ блаженную кончину старца краснорѣчивый его жизнеописатель: „Еще за полгода до кончины Ѳеодора постигла его

тяжкая болѣзнь. „Слава Богу! Слава Богу"! повторялъ онъ въ минуты жестокихъ мученій своихъ: „и я вижу конецъ житейскаго моря, по которому доселѣ, какъ утлая ладья, носилась душа моя напастей бурею". Наступила Страстная седмица 1822 года. Насталъ и вечеръ жизни его, вечеръ свѣтлаго Пятка. Лице старца просіяло, радостная улыбка оживила уста его, печальные ученики, безмолвно окружавшіе смертный одръ его, забыли слезы и сѣтованія, съ благоговѣйнымъ трепетомъ и изумленіемъ смотрѣли они на блаженную кончину раба Господня. Архимандритъ Макарій напутствовалъ его елеосвященіемъ и пріобщеніемъ Святыхъ Таинъ, и чистая, свѣтлая душа его отлетѣла въ горнія обители блаженной вѣчности, получивъ несомнѣнно награду трудовъ своихъ, надежду спасенія".

Сицевы быша подвиги его и труды, тако онъ прохождаше путь житія сего, тѣснымъ и прискорбнымъ путемъ острымъ и зѣло жестокимъ и болѣзненнымъ, шествовалъ стезю къ небесному граду ведущую, къ тихому мирному и безболѣзненному покою будущаго пребыванія.

А отецъ Леонидъ, зная объ устроенномъ при Оптиной пустынѣ безмолвномъ скитѣ и имѣя при себѣ учениковъ, требующихъ обученія въ благоустроенномъ общежитіи, въ 1829 году перешелъ на жительство въ оный скитъ, гдѣ онъ просившихъ у него разрѣшенія недоумѣній по любви своей къ ближнимъ не оставлялъ безъ вниманія, всякому дѣлалъ отвѣты, приличныя къ укрѣпленію и къ утѣшенію въ скорбяхъ, и даже при слабости своего здоровья никому не отказывалъ, но всѣмъ являлъ отеческое сердоболіе. Скончался въ 1841 году, октября 11 дня, 72 лѣтъ отъ рожденія.

Тако сіи великіи, въ добродѣтелехъ просіявшіи старцы, много добра сей обители сотворившіи и многую пользу ей принесшіи, не успокоишася въ сей обители, и лишися сія обитель сихъ великихъ въ добродѣтели столповъ, могущихъ многимъ монашествующимъ и по кончинѣ ихъ отъ воспоминанія добродѣтельнаго ихъ житія приносити душевную братіи пользу. Аще и осташася въ обители сей старцы, помнящіи ихъ подвиги и труды, но не долго сіе бысть: временемъ бо дній своихъ, старостію, преидоша отъ

жизни сея, и тако временемъ малу по малу начаша въ забвеніе приходити сихъ благочестивыхъ старцевъ подвиги и труды: мало кто что о ихъ знаяше. Единъ точію добрѣ помняше блаженный старецъ отецъ архимандритъ Моисей сихъ, въ добродѣтельномъ житіи просіявшихъ благочестивыхъ старцевъ: ибо онъ еще тогда не старыхъ лѣтъ бяше, сіи же благочестивые старцы отца Моисея весьма любяху. Аще бо и въ новоначаліи еще онъ тогда бяше, обаче многія душеполезныя бесѣды съ нимъ имѣяху и часто сами его къ себѣ призываху, какъ бы предвидяще могущее въ послѣдствіи датися ему начальство сана и окормленія душъ человѣческихъ попеченіе, дабы возмогъ добрѣ словесныя овцы, духовное рожденіе, своя чада ученики, крѣпкою душевною пищею укрѣпляти и духовнымъ сладостнымъ питіемъ напояти, и по сей духовной о Господѣ къ нему любви многія душеполезныя открываху ему тайны, гдѣ и отъ чего монашествующимъ лицамъ бываху паденіе и востаніе, и какъ оныя, Божіею помощію, и паки отъ паденія воставаху, и каковыми виды и образы сіе происхождаше, и чимъ въ таковыхъ случаяхъ можаху себѣ предохраняти, и иныя многія душеспасительныя повѣсти ему на пользу сказоваху.

Яко же сіи благочестивыя старцы отца архимандрита Моисея возлюбиша, таковою же нелицемѣрною любовію возлюби ихъ и отецъ Моисей. Зѣло бо добрѣ возлюби ихъ, памятствуя отеческое ихъ еже къ нему наставленіе и наказаніе и милостивое ихъ еже къ нему расположеніе. Толь же зѣло добрѣ укрѣпися ихъ душевнымъ наказаніемъ, яко твердою пищею и духовнымъ паче меда исполненнымъ питіемъ, толь же добрѣ укрѣпися и довольно насытися тыя душеполезныя духовныя пищи и пресладкаго онаго душеполезнаго духовнаго питія напися, яко и до кончины своея никогда же извнутрь сердца его истощися, но во всю жизнь свою всегда оныя въ памяти себѣ имяше и съ душевною любовію многажды ученикомъ своимъ сказоваше въ подражаніе добродѣтельнаго сихъ старцевъ житія.

Отецъ же Леонидъ бѣ великаго разсужденія. Аще не бы его разсудительный совѣтъ, можаше обитель сія лишитися отца Моисея: онъ бо и отца Моисея укрѣпилъ и

утвердилъ добрымъ своимъ совѣтомъ сея обители не оставляти. Бѣ же то сице:

Въ 1828 году Преосвященный Епископъ Гавріилъ, получа извѣстныя слухи, что его перемѣщаютъ изъ сея Орловскія епархіи въ Екатеринославскую (имѣ же онъ велію духовную о Господѣ любовь ко отцу Моисею) призываетъ его къ себѣ и объявляетъ ему свое изъ сея епархіи перемѣщеніе, и предлагаетъ свое желаніе и духовную о Господѣ любовь отцу Моисею, и вопрошаетъ его о своемъ желаніи и духовномъ о Господѣ расположеніи и неразлучномъ сопребываніи, дабы отецъ Моисей перешелъ съ нимъ туда въ ту епархію. Отецъ же Моисей, повинуяся отъ Бога поставленной власти, говоритъ Преосвященному: „какъ вамъ угодно“, то есть, во умѣ своемъ размышляя: поставленъ я настоятелемъ не по своей волѣ, но властію, такожде и перехожденіе мое да будетъ не по моей волѣ, но по волѣ власти, и помня оныхъ Софроніевой пустыни старцевъ слова, когда ему по оставленіи волею своею настоятельства сказано: „не долженъ ты волею оставлять настоятельство, но когда тебѣ сами отъ онаго отставятъ“. И по многихъ душеполезныхъ бесѣдахъ Преосвященный отпустилъ отца Моисея въ свою обитель. Отецъ же Моисей пріиде въ обитель и ожидалъ, что послѣдуетъ отъ Преосвященнаго, а самъ, по своей волѣ, ничего не начиналъ и не помышлялъ къ перемѣщенію изъ обители, но, во всемъ возлагаяся на волю Божію, ожидалъ, что о семъ послѣдуетъ. Между же тѣмъ временемъ, отецъ Леонидъ, проѣзжая въ Кіевъ для поклоненія святыни, бѣ въ сей обители; отецъ же Моисей прія его съ величайшею радостію и душевною о Господѣ любовію, яко въ отцѣхъ честнѣйшаго старца и прежде бывшаго сея обители настоятеля и, наслаждаяся съ нимъ многими душеполезными бесѣдами, вопроси отецъ Моисей отца Леонида о перемѣщеніи своемъ въ другую епархію и прошаше отъ него полезнаго себѣ совѣта. Отецъ Леонидъ таковый даде отцу Моисею совѣтъ: „аще тебѣ самъ Преосвященный съ настоятельской должности отставитъ и возметъ съ собою, то иди съ нимъ, а самъ собою не выходи изъ обители“. И такъ отецъ Моисей остался въ обители, ожидая, что послѣдуетъ отъ Преосвященнаго. Преосвященный же своею волею своего намѣре-

нія не сотворилъ, и тако отецъ Моисей остася здѣ въ обители по совѣту отца Леонида, подкрѣпленный въ своихъ мысляхъ. И не сподобишася сіи оба старца въ жизни сей быти во единомъ вкупѣ сопребываніи, Богу вся на пользу строящему; ибо отецъ Моисей нуженъ былъ для сей обители, яже его трудами возрасла и процвѣла въ первобытное хорошее и отличное устройство, въ духовное внутреннее и во внѣшнее. Коль же былъ любезенъ и желателенъ Преосвященному Епископу Гавріилу о. Моисей, что не токмо въ сей епархіи, но и во всякомъ мѣстѣ желалъ неразлучно съ нимъ быти: такъ привлекала къ Епископу Гавріилу духовная о Господѣ любовь и слава добродѣтельнаго житія отца Моисея: бяше бо сей отецъ всѣмъ добрымъ и добродѣтельное о Бозѣ житіе проходити хотящимъ любезенъ и желателенъ. Но и паки возвратимся на прежнее сказаніе исторіи.

Принесенный же отцемъ Ѳеодоромъ изъ Молдовлахійскаго нямецкаго монастыря во обитель сію уставъ церковный и чинъ весьма благочинный и обрядъ порядка монастырскаго зѣло прекрасный, зѣло любяше отецъ Моисей и утѣшашеся онымъ, яко во всей жизни своей соблюдаше оный опасно и никакоже хотяше что иремѣнити отъ онаго, но и все тщаніе прилагаше о семъ, дабы чѣмъ либо не нарушился и не измѣнился прекрасный той чинъ во обители сей установленный, яже и соблюдашеся во дни его со вниманіемъ о семъ и прилежнымъ тщаніемъ, и многія за сіе претерпѣ скорби и печали отъ несмысленныхъ своея воли желателей, ибо и сія вышеномянутая о безпокоившемъ ученикѣ его повѣсть не за что иное бяше, токмо за чинъ церковный и уставъ порядка и обряда монастырскаго, принесенный отцемъ Ѳеодоромъ, да и самъ же отецъ Ѳеодоръ не за что иное пострада, токмо за чинъ церковный и порядокъ монастырскій и за добродѣтельное свое и по Бозѣ житіе неповинное изъ сея обители изхожденіе и многія скорби и печали, яже подъя Бога ради и за церковь, но послѣжде и сами тіи, иже ему нанесоша сіе неповинное изъ сей Бѣлобережской пустыни исхожденіе и поношеніе и озлобленіе и многія скорби и печали, не избѣгоша праведнаго суда Божія: такожде бо пострадаша, начиная отъ первыхъ. А еже за что начася дѣло, сіе есть слѣдующее. Два брата въ обители, же-

лая пріятыми себе быти отъ отца Θеодора во ученичество, зѣльнымъ ему и прилежнымъ моленіемъ налегаху, дабы былъ имъ наставникомъ и руководителемъ въ душевномъ ихъ спасеніи. Отецъ же Θеодоръ предлагалъ имъ своего житія заповѣди и правила, они же обѣщахуся все сіе сохранити и не хотяху при постриженіи своемъ никакоже иному кому себѣ предати, кромѣ отца Θеодора, и тако его прилежно моляху, что и постриженіе монашества не хотяху пріяти, но ити паки въ міръ, аще отецъ Θеодоръ не будетъ имъ духовный отецъ и наставникъ. И по усильному ихъ прошенію и обѣщаніямъ прія ихъ отецъ Θеодоръ себѣ во ученичество, и единъ отъ нихъ сохрани заповѣдь отца своего и наставника, даже и до самой смерти твердо въ сердцѣ своемъ памятствуя оную, за что и самъ не забвенъ бысть рукою Божіею, но добрѣ пребысть до кончины своея; другій же обѣщася сохранити преданіе и заповѣдь отца Θеодора и за ихъ же отецъ Θеодоръ сіе пострада, но послѣ по времени забы заповѣдь старца своего отца Θеодора и не сохрани оныя, за что пострада, яко едва чести и достоинства своего не лишися. Сіе же ему бысть уже по кончинѣ блаженнаго отца Θеодора, и тако не избѣжа всевидящаго ока Божія, праведныя руки Его, воздающія всѣмъ по достоинству дѣяній, по реченному во псалмѣ: яко ты воздаси комуждо по дѣломъ его. Устроенный же во обители сей чинъ, принесенный отцемъ Θеодоромъ, толь бѣ благочиненъ, что въ сія времена нигдѣ же можаше обрѣстися таковый, ибо изъ честныхъ пресловутыхъ обителей многіе честные старцы бываху во обители сей и, видяще въ ней церковное и монастырское чиноположеніе, соображаху противу своихъ обителей и видяху въ своихъ обителехъ чинъ противу сего яко съ недостаткомъ, и засвидѣтельствоваху сіе многіи, монашествующіи и мирстіи, бывшіи во многихъ пресловутыхъ обителехъ, и глаголаху: яко нигдѣже видѣхомъ таковый чинъ и порядокъ, яко же здѣ, весьма благочиненъ и прекрасенъ: и пользовахуся много симъ чиномъ и порядкомъ, и отношашеся сіе къ трудамъ и памяти отца Θеодора. И яко же самъ отецъ Θеодоръ многая пострада за чинъ церковный и за добродѣтельное свое по Бозѣ житіе, тако остави и хотящимъ быти ревнителемъ и соблюдателемъ сего чина и подражателемъ добродѣтельнаго сво-

его житія, яко наслѣдникомъ его трудовъ и потовъ, да тѣхже съ нимъ будутъ соучастники скорбей и печалей, и тогда могутъ назватися послѣдователями отца Ѳеодора, по Господню гласу: иже не пріиметъ креста своего и въ слѣдъ Мене грядетъ, нѣсть Мене достоинъ. Аще и свой обаче крестъ комуждо свои скорби и напасти, кто что можетъ, симъ бо путемъ наступается стезя Господня, ведущая къ небесному его царствію, яко же чрезъ претерпѣніе разныхъ искушеній тверже можетъ сохранятися оное въ памяти сердечнѣй, а еже что бываетъ во ослабѣ, безъ искушенія, безъ скорби и печали, то оное всегда скоро въ забвеніе приходитъ, яко безъ труда пріобрѣтенное, а добрыя дѣла всегда трудомъ стяжеваются и болѣзнію исправляются, а что съ болѣзнію, то всегда оное помнится и не скоро когда забудется.

Сія вся яже о отцѣ Ѳеодорѣ и о прочихъ съ нимъ живших старцахъ повѣсти слышахъ отъ преподобныхъ устъ старца отца архимандрита Моисея и написахъ въ подкрѣпленіе немощи моей отъ бывшихъ мнѣ скорбей и печалей и во утѣшеніе душевное и во утвержденіе прочихъ приходящихъ ко мнѣ чадъ моихъ духовныхъ, дабы образомъ добродѣтельнаго сихъ старцевъ житія и терпѣнія возмогли и сами по силѣ своей подражати онымъ и терпѣти прилучающаяся скорбная и печальная въ семъ житіи.